

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин
Гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270422

Содержание

I	4
II	9

Александр Степанович Грин Гость

I

Я пришел по делу к товарищу и застал его читающим свежий номер революционного журнала «Красный Петух». Он сидел перед столом, грыз ногти, обдумывая кипучую аргументацию автора передовой статьи, направленной против социал-демократов, и был так погружен в это занятие, что не заметил моего прихода. Я хлопнул его по плечу, он вскочил, уронил очки и сейчас же успокоился.

– Чего вы ходите, как кошка?! Смотрите, что пишут мерзавцы социал-демократы! Идиоты! Туполобые марксисты! Антиколлективистические черепа! Вороны! Кукушки!

Он, вероятно, еще долго бы ругался, огорченный поведением друзей из марксистского лагеря, если бы я кротко не заметил разгоряченному и вспотевшему человеку:

– Не стоит волноваться, Ганс. Бросьте их.

– Вы думаете? Ведь что возмутительно...

– Ганс, как быть с забастовкой? Нужно собраться еще раз.

Дело в том, что социал-демократы не желают бастовать од-

новременно с нами! А это может внести раскол. Если мы назначим завтра – они забастуют послезавтра; если решим бастовать послезавтра – они бросят работу завтра. Все это с целью представить нас партией, не имеющей реальной силы. Очень интересно!..

Ганс вытянул на столе свои мускулистые, волосатые руки и сморщился. Потом, откладывая в сторону «Красного Петуха», сказал:

– Я же говорил, что они мерзавцы! В Э 00 «Искры», страница пятая...

– Отложите на время «Искру». Что сейчас делать, а?

– Что делать? А... знаете, мы соберемся и... вот, все это обсудим... Но, ведь, еще Каутский {Каутский, Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала, идеолог центризма.} в «Аграрном воп...»

– Ганс?!

– А? Да... Но, видите ли, я не могу равнодушно... Третий том «Капитала»...

– Слушайте, ведь это же из рук вон! Я уйду, или давайте говорить о деле!..

В комнате было сумрачно и прохладно, а в окна глядел июль, жаркий, пыльный, грохочущий. Я ожесточенно доказывал, что нужно устроить собрание комитета сейчас же, немедленно, что мы не можем идти «в хвосте» и т. д. Ганс слушал и утвердительно кивал головой. Когда я кончил и пе-

ревел дух, он подвинул к себе пепельницу и, стряхивая папироску, сказал:

– Да-а... Между прочим: последняя статья в «Фабричном Гудке»... Читали вы? Проклятые социал-демократы пишут...

Я не успел рассердиться, так как за дверью раздались тяжелые, мерные шаги и незнакомый голос спросил:

– Позвольте войти?

Болван Ганс, вечный книжный червь Ганс сказал: – «Войдите!» – раньше, чем я успел спрятать злополучного «Красного Петуха». Он так и остался лежать на столе, в раскрытой книге, и на обложке его крупными буквами было напечатано черным по белому: «Красный Петух»...

Что ж? Пусть входят чужие и смотрят, как повергаются в прах основные законы конспирации. Если Ганс желает когда-нибудь попасть впросак таким образом, – его дело.

Когда отворилась дверь и тихо, конфузливо улыбаясь, вошел молодой полицейский офицер, – я быстро развернул альбом с фотографиями и, глядя на усатое лицо какого-то господина, успел сказать:

– Что за пикантная женщина!

– Здравствуйте, г-н Гребин... – быстро, мельком оглядываясь, заговорил посетитель. – Собственно говоря, я вас беспокоить пришел насчет маленького дельца...

Он нерешительно, неловким движением протянул руку, как бы опасаясь, что она повиснет в воздухе. Ганс густо по-

краснел и, растерявшись, пожал ее. В мою сторону полисмен ограничился чрезвычайно учтивым поклоном и продолжал:

– Видите ли – суть эта самая, так сказать, – такая... г-н пристав просят вас пожаловать к нему сегодня. Вот повесточка... Будьте так добры – расписаться.

– Садитесь, чего же вы стоите? – процедил Ганс.

Небрежно, стараясь казаться беззаботным и непринужденным, он подвинул стул, и полицейский со словами: «Благодарствую, воспользуюсь вашей любезностью», – боком присел к столу. Раскрытая книга с номером «Красного Петуха» лежала перед его глазами. Я стиснул зубы, мысленно обливая Ганса ушатом отборной брани, и стал разглядывать посетителя.

У него было худое, продолговатое лицо, рыжеватые усики, часто мигающие светлые глаза и белые, коротко остриженные волосы. Одной рукой он механически дергал португепею шашки, выпячивая грудь, другой уперся в колено и застыл так, рассеянно оглядывая стол. Через мгновение глаза его остановились на развернутой книге, метнулись и замерли, прикованные крупным, ясным заглавием журнала.

Взволнованный Ганс ожесточенно ткнул пером в повестку и прорвал бумагу.

– Леший! – вскричал он, – перо не годится. Не пишет. Дайте-ка ваш карандаш... Есть у вас?

Он повернулся ко мне и, пока я вынимал из записной книжки карандаш, полицейский смущенно перебежал взгля-

дом с затылка Ганса на обложку журнала. Потом медленно, осторожно закрыл книгу и вытянул ноги, рассматривая потолок комнаты.

– Карандашиком, знаете, неудобно... – виновато протянул гость. – Уж будьте добры – чернильцами...

– Не искать же мне сейчас перьев, – недоумевающе буркнул Ганс. – Да и не знаю, где они. Как же быть?

– А вы... того... – оживился полицейский, улыбаясь и взглядывая на меня, – карандашик в чернильца обмакните и таким манером распишитесь...

– А ведь в самом деле! – рассмеялся Ганс. Затем он спросил:

– Зачем меня просят в участок?

– А... так, пустяковина. Насчет подписки о невыезде.

– А-а... ну, вот-с, получите...

Полицейский встал.

– Так до свидания, – сказал он, надевая фуражку. – Будьте благополучны...

– Вам того же...

Он вышел, тихо притворив дверь.

– Вот дубина! – сказал Ганс, подмигивая мне и весело потирая руки, – ведь тут около него лежал номер «Красного Петуха»! Вы взяли его? Я думаю, что он не заметил, а?

II

На другой день началась забастовка. Я проснулся рано, с смутным предчувствием наступающих событий, но ни тревога, охватившая меня в первую же минуту пробуждения, ни сознание важности момента не могли уничтожить яркого, солнечного блеска и зеленого шума старых лип, смотревших в окно. Наскоро, обжигаясь, я выпил чай и вышел, охваченный жутью тревожной атмосферы.

Улицы, залитые светом, были пусты и тихи: лавки и магазины закрыты. Кое-где мелькали бледные, озабоченные лица блузников. С грохотом и звоном проскакала казачья сотня в белых, запыленных рубахах; прошел тяжелый, медленный взвод городских. В отдалении стонали гудки бастующих фабрик и заводов.

Путь мой лежал через городской сад. И здесь, как на улицах, было пусто. Оживленно щебетали птицы; пробежал мальчик, размахивая газетами, прошел сторож с лейкой. Вдруг, впереди, за крутым поворотом тенистой аллеи раздались крики, топот, и на площадку выскочил молодой бледный рабочий, без шапки, в синей, разорванной блузе, с окровавленным, вспотевшим лицом. Он, задыхаясь, бежал к кустам крупными, изнемогающими шагами. Голубые, отупелые от страха глаза беспомощно метались вокруг.

В двух шагах от него, размахивая обнаженной шашкой и

заливаясь трелью полицейского свистка, бежал мой вчерашний знакомец, весь красный от злобы и напряжения. Он, видимо, нагонял рабочего. Еще далее, нелепо размахивая локтями и отставая, топали тяжелыми сапожищами двое городских.

Я посторонился. Рабочий, без сомнения, изнемогал. Пробежав еще несколько шагов, он вдруг остановился, прижимая руки к груди, шатаясь и выпучив глаза. В тот же момент полицейский подскочил к нему, размахнулся и наотмашь ударил кулаком в шею.

– Беги, сукин сын, беги! – зашипел он, замахиваясь шашкой.

Бедняга ткнулся в кусты и механически, полусознательно отбежал вперед. Потом судорожно вздохнул и, собрав последние силы, пустился бежать, что есть мочи, к выходу. Полицейский, обессилев, крупными, быстрыми шагами шел следом, свистел и кричал протяжным, усталым голосом:

– Держи-и-и! Держи-и-и!..

Подоспели городовые. Предводитель остановился, вынимая носовой платок.

– Убежал, собака! – сказал он, снимая фуражку и вытирая вспотевшую голову.